

* * *

Тебя я всегда готова услышать,
Ты в прошлом моём затерялся навек,
Ты где-то сейчас своим воздухом дышишь,
Всё так же особенный мой человек.

Ты занят делами, из знаний слагаешь
Особо осмысленно цепь бытия,
Из всех неурядиц спокойно прощаешь
Чужие проступки, как делаю я.

Ты взгляд не уводишь в чужие молитвы,
Ты что-то своё допускаешь в ладонь,
А мы с моей памятью давние квиты,
Она не раздует погасший огонь.

На углях не строят основы для зданий,
И память рисует лишь призрак мечты.
Я каждый день строю из прежних страданий
Тот сад, где растут неземные цветы.

Тебя я всегда готова услышать,
Ты в прошлом моём затерялся навек,
Ты где-то сейчас своим воздухом дышишь,
Всё так же особенный мой человек.

* * *

Больше в небе птицы не летают,
Рвётся ввысь ошмётками душа!
Разрываясь, пулей застревает
Страх ошибок, плоть и кость круша.

Бьётся сердце. В этом стуке гулком
Странный слышен жуткий приговор:
«Ты ошибся, право, этим утром.
Право, ты ошибся!» Что за вздор!?

Я не верю этим чувствам смутным,
Что готовы, как огнём, объять,
Я не верю! Жизнь не может люто,
Так безмерно люто обыграть.

Всё ведь верно шаг за шагом плыло,
Цепь событий выводила взлёт...
Так какой волной тогда накрыло
Этот чистый пламенный полёт?

Жизнь прольётся в нужный круг течения.
Только сердце ждёт возврата птиц,
Хоть волна душевного влечения
Сушит росы в кончиках ресниц.

* * *

Обострённые, словно в играх,
Мои чувства горчат (полынь),
Что могли бы на раз нахлынуть,
Стать важнее любых святынь,

Что могли б отпустить на волю
Каждый мой неслучайный шаг,
Но иная нужна им доля –
Я им самый надёжный враг.

* * *

Прячется,
Да, посмотри, прячется – суть твоих фраз,
Строится,
Ты, посмотри, строится новый рассказ.

Склеится,
Раз что-то клеится, как из фольги.
Срежется,
Лишнее, да, срежется, только не лги.

Крошатся,
Твои слова крошатся, как белый хлеб.
Сложится.
Да, говорят, сложится, раз в десять лет.

Свяжется.
Раз в десять лет свяжется – но не навек.
Вяжется.
Да, дальше пусть вяжется. Пряжи что ль нет?

* * *

Эй, приятель, пути не проверены!
Так зачем шагаешь ты лидером?
Месть ошибок – она не измерена,
Но лишает возможности выбора.

За глаза, за спиной – несогласные,
Но след в след идут ненамеренно.
Так зачем тебе взгляды властные,
Если сердце твоё неуверенно?

Если сердце твоё так напугано,
Что стучит, заглушая сознание?
Эти важности – были б убраны,
И любое открылось бы знание.

Эй, приятель, прочь же красивости!
И лукавство, и лесть с самомнением –
Это скользкий налёт из лживости,
Вырывающий ногу из стремени.

Упадёшь, кровь польётся утратами,
Не махнуть при победе и знаменем,
Разойдётся паденье цитатами,
А вся важность исчезнет, как в пламени.

* * *

Ты – это музыка и события,
Откровение нового дня.
Превращаешь случайность в открытья,
Улыбаясь и смехом звеня.

На ладонях искрятся надежды,
И туман предрассветный вплетён
В косы, лентой увитые. Брезжит
Утро. С ним ты поёшь в унисон.

В уголках удалого прищуря
Затаились усмешка и свет.
За спиною пылится гравюра –
Память прожитых сложными лет.

В паутине завязли, как мухи,
Страх и трепет от ветра и бурь.
Лишь на миг застучит сердце глухо,
Но взгляд снова окрасит лазурь.

Пыль стряхнёшь, закружится плетями
Ностальгических мыслей полёт.
За чужими простыми словами
Правда к радости с трепетом льнёт.

Отвернёшься. Захватишь в дорогу,
В свой грядущий и новый поход
Только лучшее, светлое, строго
В угол выбросив память невзгод.

* * *

Нас учили быть смелыми,
Не бояться стоять под дождём.
Разукрашенным в белое –
Всё должно уже стать нипочём.

Нас учили быть грозными,
Но словами уметь приласкать.
Отступить было поздно нам –
Это сделало нашу стать.

Нас учили бесстрашию.
Если страшно – смотреть в глаза.
Не звучали мы слаженно,
Только ставили голоса.

Колыбельная

Я спою тебе о том, как море провожает корабли до самой искренней точки рассвета.

Я спою тебе о том, как зима тянет холодные пальцы к сердцу сидящего на скользком подоконнике маленького мальчика, но никак не может дотянуться.

Я спою про сутулого прохожего, который безуспешно прячет в кармане тёплого пуховика опасно острую, но изящную сосульку. Он сорвал её у театра, когда не досмотрел неуклюжий балет.

Я спою тебе про волну тумана, что накрывает город забытыми воспоминаниями, а потом тихо прячет их в резную шкатулку на столе у пухленькой, но милой булочницы.

Я спою тебе про запах уюта на берегу у давно погасшего костра. Костёр погас, а запах остался, чтобы витать возле моря до тех пор, когда корабли причалят к самой искренней точке этого зябкого хрустального зимнего рассвета.

Уют не пропадёт? Нет, не пропадёт.
И песня – не замолчит.

Уходить хочешь, белая птица? Уходи. Уходи не торопливо и испуганно, а так, как уходят аристократы, небрежно опираясь на длинную полированную трость.

Уходи бесконечным тёплым вечером, не прикоснувшись напоследок к чашке ароматного чая с жасмином. Орнамент её, похоже, грубоват на ощупь, но особенно изящен на вид. Уходи лёгкой походкой, а не тяжёлым шагом военного. Уходи с песней про лето на устах и искорками былой радости в глазах.

Уходи, почистив до неотразимого блеска пёрышки и оставив одно в чьей-то ладони – не на память, а ради надежды, может быть, даже своей.

Уходи, не глядя назад, а вдыхая терпкий запах пыльной дороги. Твои шаги звучат так ровно, так уверенно и так по-настоящему.

Уходи, если нужно, белая птица.

